

Далёкое — близкое

Лицей создавался, когда устанавливалась, как надеялись, новая Россия, когда для служения Отечеству нужны были новые люди. Их нужно было найти, вырастить и воспитать. Требовались деятели общенационального масштаба и государственного образа мышления. На Лицей возлагались большие надежды, и потому в него было вложено всё лучшее, что имела тогда культурная Россия. Реализация этих надежд и планов превзошла все административные замыслы.

Лицей открывали 19 октября 1811 г. в торжественной обстановке, в присутствии Александра I, его семьи, высшего духовенства, членов Государственного совета и министров. Три десятка мальчишек напутствовались на учение и на служение, как на предназначение и на миссию. При открытии Лицея рядом с царём ещё сидел Сперанский. Но уже присутствовал и Аракчеев.

В Лицей приняли 30 мальчиков. Естественно, как всегда в России, шли в полный ход знакомства, связи и протектирования, но всё же состав единственного в своём роде русского учебного класса подобрался с удивительной исторической точностью. Когда позже Пушкин возложит свои лучшие надежды на русское дворянство, можно с уверенностью сказать, что эти надежды питались впечатлениями, вынесенными из детских и отроческих лет. Именно дворянство в лучшей своей части было хранителем культурных ценностей России. Позднее Блок назовет пушкинскую эпоху самой и единственно культурной эпохой в жизни России.

В фискальной записке о Лицее инспектор В.Н. Каразин писал злобно, но умно и точно: «Из воспитанников более или менее есть почти всякий Пушкин, и все они связаны каким-то подозрительным союзом...»

Уже тогда Лицей вызывал интерес за рубежом как одно из центральных явлений русской жизни. В 20-ые годы австрийский канцлер Меттерних — один из фактических руководителей всей политической Европы — запрашивал подробную историю создания Лицея, желая получить «ключ» к важнейшим русским событиям, прежде всего декабря 1825 года.

Лицейисты возражали среди святых воспоминаний прошлого, но одновременно и среди живых впечатлений настоящего, могучий толчок которым дал 1812 год. Было понятно, что настоя-

Слава Лицея началась с именем Пушкина, с его посвящений Лицею, с его светлых воспоминаний. Благодаря Пушкину заговорили о первых «лицейских питомцах», о первом блистательном выпуске Царскосельского лицея. Выдающихся людей во все сферы деятельности в России Лицей поставит и позднее, но уже никогда больше в его стенах не будет той общности, того духа, что существовали в первом выпуске.

«Самостоянье человека — залог величия его»...

19 октября отмечается 200-летие Царскосельского лицея

Лицея были поставлены самые выдающиеся русские, не просто педагоги, но просветители: В.Ф. Малиновский и Е.А. Энгельгард. О высоком предназначении Лицея понимали и позже. В 1817 году шесть выпускников, назначенных в гвардию, в числе которых был Иван Пущин, ещё в лицейских мундирах, участвовали на параде гвардейского корпуса. Подъехавший к ним командир корпуса граф Милорадович спросил: «Что вы за люди и какой это мундир?» — Услышав ответ, задумался и потом с особым ударением сказал своему окружению: — «Да, это не то, что университет, не то, что кадетский корпус, не гимназия, не семинария — это... Лицей!»

фессора аттестовали питомцев не цифрами, а отзывами, и ещё теперь благодаря этому можно видеть индивидуальные черты Пушкина и его товарищей в школьном возрасте».

Много внимания в Лицее уделяли спорту. Пушкин всегда держал себя в хорошей спортивной форме: много ходил, плавал, скакал на лошади, стрелял, занимался боксом.

Кроме того — иностранные языки, музыка, рисование, выводящие почти на профессиональный уровень. Всё это очень насыщено, в размеренном, строгом режиме. Интенсивность обучения была высокой. Кроме этого большинство лицеистов самоотверженно предавалось самостоятельной работе. И Пушкин своей тоже.

«...Кто знает, — пишет И.Ф. Анненский, — если бы ещё в Лицее Пушкин не прошёл практического курса поэзии и не пережил периода подражания (Державину, Жуковскому, Батюшкову, ранним французским парнасцам), если бы вместо досуга для творческих снов и вдохновения для отделки стихов он выучил вчетверо больше уроков и прослушал учёных лекций... удалось ли бы ему войти в жизнь уже сложившимся писателем, успел ли бы он в короткий срок отменёванный ему судьбою, создать всё то великое и вечное, что он нам оставил? Не надо забывать и положительных знаний, и навыков, вынесенных Пушкиным из Лицея; он был несравненно грамотнее Лермонтова, я не говорю уже о Гоголе; он вышел из лицея с порядочным запасом сведений по мифологии и истории, по русской литературе, и выучился по латыни: по крайней мере на юге он читает Овидия в подлиннике, а поступая в Лицей, читал Вергилия во французском переводе».

Исключительным по своей образованности, культуре, профессионализму был и преподавательский состав.

Пушкин вспоминает профессора Куницына: «Он создал нас, он воспитал наш пламень». Куницын действительно начал их создавать в первый же день. Уже на открытии Лицея в яркой речи им было сказано о гражданских обязанностях. Служение Отечеству, бескорыстный труд, честь и достоинство, верность долгу — вот те идеалы, которые олицетворял Лицей.

Хотя Лицей располагался в Царском Селе, как бы при императоре и в этом смысле при дворе, он не становился придворным, и руководители за этим очень следили. Когда высказано было пожелание, чтобы лицеисты несли придворную службу, директор его решительно пресёк, чтобы никак не поселить в воспитанниках дух искренности и угодничества.

В лицейском сообществе особенно выделялись два качества: это было общество, и это были личности. Человеческое достоинство, свойственное выпускникам Лицея, бесило жандармов больше, чем политическая неблагонадежность. Когда в Вене, Бенкендорф, приехавший с царём, попытался командовать Горчаковым, тот дал ему ледяной презрительный отпор. В полицейском досье князя появится запись: «Князь Горчаков не без способностей, но не любит Россию». Ознакомится Горчаков со своим досье уже став канцлером России.

«Самостоянье человека — залог величия его», — скажет позднее Пушкин. Начало такого самостоянья лицеисты вынесли из Лицея и пронесли через всю жизнь.

В каждом из лицеистов было воспитано чувство личного достоинства, неперенной особенностью которого было уважение к другому, чувство дружбы и братства. Суть отношений лицеистов заключена в том, что они союз, с правами уникальной духовной экстерриториальности и душевной близости.

Друзья мои, прекрасен наш союз!

Он, как душа, неразделим и вечен —

Неколебим, свободен и беспечен,

Срастался он под сенью

дружных муз.

«Береги честь смолоду» — такими словами осенит Пушкин последнее своё создание — «Капитанскую дочку». И это не отвлечённое поучение, а жизненный нравственный принцип, вынесенный им из Лицея.

К моменту окончания Лицея выявлялись и определялись вкусы, склонности и интересы каждого из лицеистов. Небольшой этот класс оказался способен выдвинуть группу потенциальных государственных деятелей. Выдающимся дипломатом всего русского, а может быть, и европейского девятнадцатого века станет князь Горчаков. И этот же класс создаст несколько «антигосударственных» деятелей: семь — четверть класса — фамилий лицеистов попадут в следственные дела по декабристскому движению, а некоторые станут его участниками: Иван Пущин, Вильгельм Кюхельбекер.

Этот класс выдвинет и боевого генерала Вольховского, и замечательного мореплавателя, адмирала Матюшкина, и музыканта Яковлева. И группу выдающихся литераторов: того же Кюхельбекера, Дельвига...

Представляют интерес характеристики лицеистов, составленные директором. На мальчика Горчакова: «Если в схватывании идей он выказывает себя гениальным, то и во всех его более механических занятиях царят величайший порядок и изящество». На будущего дипломата Сергея Ломоносова: «Очень интересный юноша, не то чтобы

гениальный, но всё же выдающийся талант... Политико интересуются очень живо. Очень словоохотлив и умеет обычно направить разговор на наиболее высокие интересы человечества... Он любит людей... и часто думает о том, каким образом он может быть для них наиболее полезен».

Таким образом, Пушкин был не единственным, кого уже в Лицее называли (правда, не наставники) гением. Все лицеисты были в той или иной мере поэтами, но был среди них не просто лучший и превосходивший прочих, но первый в России абсолютный тип поэта. И его поэтическая абсолютность прямо связана с человеческой абсолютностью. «При самом начале — он наш поэт», — скажет Иван Пущин.

Интересный факт, относящийся к оценке Лицея как учебного заведения. В начале 80-х годов прошлого столетия в Чикаго устраивалась школа — «для миллионов с возможностями». Широко и основательно изучался мировой школьный опыт. В беседе с одним из представителей русских литературно-академических кругов устроители школы признались, что самое глубокое и совершенное из найденного ими по этой части во всей новейшей человеческой истории был Царскосельский лицей. Признание это явно выходит за рамки простой любезности. Иноземному взгляду, видимо, отчётливее кинулось в глаза то, к чему мы уже пригляделись и чего недооценили: значимость Лицея в культурной жизни России, высокое качество и необыкновенную рациональность постановки процесса обучения в нём.

В 1911 году отмечался столетний

Выпускник Лицея, впоследствии канцлер России А.М. Горчаков

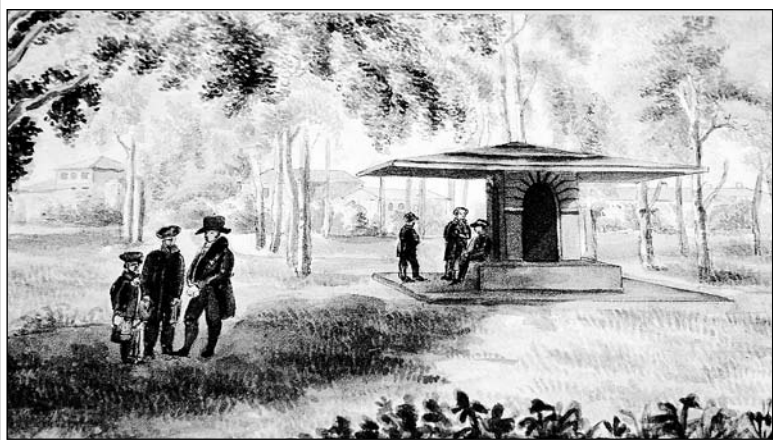
юбилей Лицея, отмечался как общенациональный праздник. В эти дни император Николай II трижды встречался с лицеистами. В самом Лицее, затем на торжественном обеде, устроенном в Зимнем дворце, и, наконец, в Мариинском театре, на опере «Евгений Онегин», куда были приглашены все лицеисты с жёнами.

В Царском Селе, ныне городе Пушкине, в 1974 году был открыт музей, который уже посетили десятки тысяч людей со всего Советского Союза и продолжают посещать россияне и иностранцы.

Поднявшись по крутой винтовой лестнице с 3-го на 4-ый этаж, туда, где располагались комнатки лицеистов, можно постоять у «кельки» Пушкина, увидеть её скромную меблировку, представить себе отдыхающего здесь юного поэта.

Пушкин, который в стихах своих («19 октября», «Товарищам», «Разлука», «Была пора: наш праздник молодой»... и многих посвящениях друзьям-лицеистам) постоянно устремляется к лицейским друзьям, разошедшимся по полюсам, и объединяет их в единое братство, в наших глазах чуть ли не свёл Лицей к себе: «пушкинский Лицей», «пушкинский выпуск», «пушкинские сокурсники». Конечно, в этом «славном», как отмечали современники, выпуске было немало имён, составлявших славу Лицея, но! Как заметил А. Эфрос в книге «Рисунки поэта»: «...Лицейское солнце обманчиво. Если оно и горит, то лишь отсвечиваясь Пушкиным».

Геральд БАСКО, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Во времена А.С. Пушкина в церковном саду устраивали прогулки лицеистов. Здесь они соорудили дерновый пьедестал с вделанной в него надписью на мраморной доске «GENIO LOCI». Она посвящалась гению-покровителю здешних мест.

щее это уже история. Свой патриотизм Пушкин вынес отсюда. Это был новый тип русского патриотизма, проникнутый, кроме гордости и чувства ответственности за судьбу России, ещё и осознанием того, что национальное находится у правящего режима в заго-не и небрежении.

Для чего же долгие 6 лет готовились эти юноши? Ответ может быть только один — ни для чего конкретно, а, если точнее, — для всего. Они готовились универсально, энциклопедически, многопредметно — именно для всего. Тогда это понимали. Потому-то Сперанский писал, что Лицей соединяет в себе виды несравненно большие, чем все наши университеты. Во главе

Поклонился, повернул лошадь и ускорил.

Один из лицейских педагогов Иннокентий Анненский писал: «В Лицее были уставом запрещены телесные наказания — черта в высокой степени замечательная; в интернате не было обычного в наше время казарменного устройства; всем питомцам полагались отдельные комнаты — «кельки», как их называл Пушкин; пансионский день распределялся гигиенично: на ученье — 7 часов, остальное время — прогулки, игры, гимнастика. Курс был общеобразовательный и рассчитан только на 6 лет. Прекрасная библиотека выписывала всю периодическую печать, и лицеисты читали много и свободно. Про-